

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

УДК 82

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-4-67-75>

Язык как мотив обращенности к родине (на примере адыгов у Кадыра Натхо)

Ф. Н. Хуако

*Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Россия
fatimah2@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется функциональная миссия языка как инструментального механизма, действующего в пределах сознания находящегося за пределами Родины адыга. После рассмотрения ряда соответствующих теоретических аспектов и заключения на их основе об актуальности вопросов взаимодействия языка и сознания автор обращается к конкретному текстовому ресурсу. Им в работе выступает известный на адыгской ниве текст «Воспоминаний» оставшегося за границей соотечественника Кадыра Натхо. Анализируя тексты его некоторых новелл и, делая на этом основании выводы о взаимной обусловленности языка и сознания соотечественника, автор статьи ассоциирует язык с мощью, выстраивающей индивидуальное мышление в его оглядке на Родину как под ментальность, так и под обстоятельства.

Ключевые слова: язык, сознание, образ Родины, Кадыр Натхо

Благодарности: автор выражает благодарность рецензентам за указанные замечания, которые позволили повысить качество статьи.

Для цитирования. Хуако Ф. Н. Язык как мотив обращенности к родине (на примере адыгов у Кадыра Натхо) // Доклады АМАН. 2022. Т. 22, №. 4. С. 67–75.

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-4-67-75>

© Хуако Ф. Н., 2022

Original article

Language as a motivation to the motherland (by the example of the adyges at Kadyr Natkho)

Fatimet N. Khuako

*Maykop State Technological University, Maykop, Russia
fatimah2@mail.ru*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract. The article analyzes the functional mission of the language as an instrumental mechanism operating within the consciousness of the Adyghe who is outside the Motherland. After considering a number of relevant theoretical aspects and concluding on their basis about the relevance of the issues of interaction between language and consciousness, the author turns to a specific text resource. The text of “Memoirs” of the compatriot Kadyr Natkho, who remained abroad, acts as the text in the work known in the Adyghe field. Analyzing the texts of some of his short stories and drawing conclusions on this basis about the mutual conditionality of the language and the consciousness of a compatriot, the author of the article associates the language with the power that builds individual thinking in its look at the Motherland both under mentality and under circumstances.

Keywords: language, consciousness, image of the Motherland, Kadyr Natkho

Acknowledgments: the author are thankful to the anonymous reviewer for his valuable remarks.

For citation. *F. N. Khuako* Language as a motivation to the motherland (by the example of the adyges at Kadyr Natkho). *Adyghe Int. Sci. J.* 2022. Vol. 22, No. 4. P. 67–75.

DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2022-22-4-67-75>

© Khuako F. N., 2022

Устоявшейся научной истиной уже не первое столетие в глубинах мировых цивилизаций является факт: своеобразная метафизика всегда присуща любому лингвистическому механизму. Следовательно, язык уверенно и неизбежно очерчивает всякому носителю специфическую реальность всегда по-своему, являясь тем самым заметным психологическим стимулом тому или иному представителю всякой цивилизационной культуры. В подобном отношении язык неизбежно составляет определенную понятийную конструкцию, что помогает индивиду выстраивать собственный образ жизни и образ мыслей. Таким образом, очевидна следующая линия бытия: язык являет собой присущее тому или иному носителю строго определенное пространство.

На научных просторах предыдущих веков в некотором отношении воздействие названной линии сказалось на теоретических разработках следующих мировых лингвистов. Это были: великий французский синолог первой половины прошлого века Марсель Гране, швейцарский лингвист XX в. Шарль Балли, французско-бельгийский этнолог XX века Клод Леви-Строс, первый профессор лингвистики в Норвегии XX в. Альф Соммерфельд, швейцарский философ XX в. Жан Пиаже, а также прочие. Однако наиболее заметно данная теория просматривается у немецкого философа и культуролога (в то же время, – неокантианца) прошлого века Эрнеста Кассирера, которому удалось формирование аспектов своеобразной философии культуры, а также, – теоретическая разработка функции сознания, обогащенной символизмом. В его трудах указанный языковой мотив фактически выступает стержневым. Наиболее признанной монографией Э. Кассиера в ее пересеченности с языковой культурологией является «Философия символических форм».

Сторонники соответствующих трудов, разделяющие идеи Марбургской школы неокантианства, полагают следующее. Язык оформляет и распространяет представления индивидуума о внешнем мире, благодаря чему языковой носитель персонально владеет собственными установками, а также остается способен презентовать такие личные позиции многим другим языковым представителям. Имеются также данные установки

и у сегодняшних неогумбольдтианцев, направление которых также относится к современному языкознанию. Относя язык к категории определенного «национального духа», неогумбольдтианство (присущее воззрениям Вильгельма Гумбольдта) предполагает следующее. Носители, обладающие различными языками, весьма дифференцированно видят действительность, а также, – ведут себя в ней. Следовательно, некая «картина мира» у них определяется признаками языкового механизма, каковой очерчивает персональный ход мыслей индивида.

Тем самым, как говорит по этому поводу исследователь нашего времени профессор Батырбий Берсиров, «идея о замкнутости человека в своеобразном волшебном кругу своего родного языка, <...>, прошла через всю историю европейского языкознания (и сопредельных с ним наук) XIX и XX вв., хотя и не всегда находилась на первом плане» [1, с. 72]. Именно это и попытаемся проследить в нашей работе в авторских новеллах Кадыра Натхо (Natkho K. Memories (= «Воспоминания»)). Известный сегодня адыг, успевший в детстве и в юные годы пожить на Родине, но семья которого оказалась в ряду черкесских изгнанников в Турции, будучи уже взрослым, взирает в своем внушительном художественно-публицистическом издании на отечественные земли из турецкого зарубежья.

Применительно к Северному Кавказу язык испокон веков выступает мощным этнокультурным ориентиром каждой из многочисленных, скопившихся здесь наций. Убеждения в гармоничном созвучии между языковой единицей и очерчиваемым ею явлением ощутимо заметны и действенны в большинстве цивилизационных культур. В предыдущие столетия до появления письменности реалии и духовно-психологические установки социума контролировались посредством идейно-образного ресурса, который был присущ и соответствовал мифическим традициям того или иного эпоса. У адыгов подобным эпическим ресурсом является цикл «Нарты», несущий собой и философские, и духовные понятия народа. Однако имевший место быть в истории северокавказских народов силовой натиск ино-языковой России не мог не сказаться на возникновении здесь адаптационной проблематики, касающейся сохранности местных языков и культур.

Несмотря на то, что тот или иной кавказский (в том числе, – адыгский) этнос ранее не владел письменностью на своем языке, он успешно приобретает ее в середине прошлого века. На кавказских территориях в прошлом и нынешнем веках русский язык выступает наиболее частым и активным межнациональным инструментом, обильным, разносторонним и распространенным. Данное средство межэтнической коммуникации порой односторонне присуждает языковому носителю конкретное мировидение, фиксирует его мыслительные средства и, тем самым, – образ действия. И потому нередко общение на советском, так и на пост-советском (в частности, российском) пространстве преимущественно предпочитает русский и отнюдь не поощряет использование других национальных языков. Так, в частности, в первые десятилетия прошлого века адыгские писатели были вынуждены пытаться справиться с частыми сложностями, стремясь к активизации у получателя открытой реакции на печатное слово.

Данные трудности, еще более усугубившиеся на протяжении шаблонного советского режима, в их совокупности привели к имеющейся на начало нового (текущего) тысячелетия ситуации: представитель кавказского этноса чаще предпочитает говорить на русском, будучи уверен в неприятии своего родного языка прочими нациями. Однако рассматриваемый нами адыгский соотечественник Кадыр Натхо (Турция) весьма убедительно объясняет в своих «Воспоминаниях...» собственную склонность к изложению подобных сведений. Так, к примеру, по позыву от одного из турецких журнальных изда-

телей рассказчик приступает к творчеству. Он своими статьями и рассказами стремится осветить адыгскую национальную культуру, хронику событий и обычаи. Поясняет собственную мотивацию в своей оглядке на язык предков Кадыр Натхо в новелле «Мой новый концерт» так: издатель «пробудил во мне старые опасения, которые у меня были разработаны в Иордании, когда я понял в первый раз, что наши молодые черкесские поколения не забыли наш язык» [2, с. 372].

На протяжении многих веков пользования языком воздействие того или иного слога и его конструкций на человеческую деятельность демонстрировалось и доказывалось в процессе бытия его носителей. Так, к примеру, у современного составителя «Мемуаров...» (Четыре друга эпохи. Мемуары на фоне столетия. – М.: АСТ, 2013) И.Оболенского российский историк моды второй половины XX века Александр Васильев прямо воспекает выражение «Я русский, и я горжусь». Эта присущая ему позиционная доминанта поддерживалась им при переселении во Францию в конце предыдущего столетия. Она косвенно предопределяет официально заявленное им позже разочарование в новоприобретенном месте проживания («Мне уже не нравится во Франции!» <https://yandex.ru/video/preview/14491305284438542286>). С той же силой обращен мысленно к предкам (уже, – адыгским) своим творчеством Кадыр Натхо, объясняя свою творческую мотивацию следующим образом: «Я, наконец, понял на встрече с некоторыми молодыми черкесами, что наше молодое поколение в целом не проявляет большого интереса к чтению истории. Поэтому я решил написать для них рассказы, основанные на нашем фольклоре, которые бы донесли до них нашу историю и культуру в капсуле» [3, с. 372]. Именно здесь он и делится своими ощущениями, охватившими его в ходе обращения к этой задаче. В первую очередь считает себя строго обязанным просветить их по поводу имеющегося у них общего гордого наследия, продуктивно возместить перенесенные ими потери. Именно такая миссия воодушевляет автора, и обращение к нему издателя весьма удивляет его как рядового гражданина, а также ощутимо льстит скромному представителю нации. Либо в продолжение того, что были приобретены им уже на первых шагах понимающие поклонники в Турции, имя Кадыра Натхо, его изображение и новелла «Первые признаки Рассвета» уже в 60-х гг. прошлого века вошли в «Антологию Коротких Рассказов Черкесских авторов» (Турция). В этом издании изображение автора сопровождала вступительная статья, в которой ему было присвоено звание «Возрожденец адыгской литературы в диаспоре». Такое, восхитившее К. Натхо, имя стимулировало его к написанию новелл на английском (1964), а это, в свою очередь, позволило ему начать отправлять их в Турцию. Там такая проза в журнале *Kuzey Kafkasia* (= Северный Кавказ) была переведена на турецкий, и к ней получили доступ многие (как диаспора, так и соотечественники на Родине).

Присущая тем или иным соотечественникам за рубежом языково-словесная заданность при этом имеет возможность выделить, а также переместить на узловом плане конкретный ряд качеств и особенностей, что делает скрытыми прочие. Так, в частности, перечисляя хроникальные детали биографии, присущие собственному отцу, Мирель Кирилловна Зданевич в составленных в наши дни И. Оболенским «Мемуарах...» констатирует истину: была налицо пламенная расположенность его к Грузии как к Родине, что стимулировало его к порывам побывать там. И из этого рассказчица делает обобщающий, но многозначный вывод: «Они с братом были истинными патриотами Грузии...» [3, с. 235]. Фактически выступая неким последствием от реалий и мышления, язык в его продуктивности оказывается одновременно их некоторой связной нитью. Тем самым именно устоявшаяся в мировоззрении языка ментальность позволяет оказавшемуся вне Родины носителю (в частности, – черкесу) оставаться сыном своего народа (дальнего,

– территориально, ближнего, – духовно). И подобный позыв весьма поощряет автора, который собственную задачу в своей новелле «Мой новый концерт» формулирует так: «Я был уверен, что наши молодые черкесские поколения в Турции схвачены в таком же затруднительном положении и не знают много о нашем гордом наследии. Могут ли вы что-нибудь сделать, чтобы исправить это?» [2, с. 372].

Изыскание мобильной статистики, присущей этническим языковым полотнам бытия, изучалось не слишком активно. Определенный круг исследователей упомянут нами в начале статьи. Непосредственно линию взаимозависимости языка и сознания прокладывает также американский языковед первой половины прошлого века, специалист по языкам американских индейцев, разработчик некоей гипотезы «лингвистической относительности» Бенджамин Ли Уорф. Как утверждает сегодня адыгский лингвист, профессор Батырбий Берсиров, разрабатывая проблематику взаимодействий языка с сознанием, признанный американский языковед данную линию в качестве стержневой «выхватывает из единой цепи», однако игнорирует при этом «наличие третьего фактора – действительности» [3, с. 74]. Согласимся с Б. М. Берсировым в его несогласии (просим прощения за тавтологию), поскольку язык действительно воспроизводит появление, а также прогрессирование либо затухание мышления, позволяет проследить ход мыслей, индивидуально-коллективные деятельностные ходы или среду, окружающую данную деятельность.

Вообще языковая мотивация сознания, присущего обращенному к Родине из-за рубежа представителю того или иного (в частности, – адыгского) этноса, ни теоретически, ни конкретно не освещалась. Специалистами адыгского языкознания и литературоведения, этнографами только затрагивался некоторый художественный ресурс (как авторский, так и фольклорный), который демонстрирует единичные психолого-патриотические аспекты. Таковые действуют лишь преимущественно на отдельных кавказских территориях, оставленных часто нашими соотечественниками, которые были вынуждены переселиться в другую страну..

Вследствие того, что обуславливающие язык и зависимые от языка мыслительные стимулы совсем не выступают устойчивыми шаблонами, они преобразуются и хроникально, и территориально. Их многогранность и многоцветность тем самым допускает активизацию межъязыковых взаимодействий. Это позволяет поиск иных методов, которые определяют рассмотрение единого, цельного суждения о действительности, присущего конкретному цивилизационному типу. При этом чаще случается перекрещение различных языков, а с ними, – и культур. Подобная спаянность выступает объектом насыщенного постижения, располагаясь стержнем в сегодняшних и языковых, и культурологических, и литературоведческих трудах. Анализируя далее обращенность языкового носителя к Родине посредством рассмотрения его текстовых единиц с помощью лингвокультурологии, мы затрагиваем сам текст и его дискурс в общем. Это позволяет нам говорить о своей аналитической попытке, проводимой применительно к весьма глобальному объекту – к характерному для адыгов языковому сознанию с его этнокультурными признаками.

Как известно, язык выступает незаменимым действующим компонентом цельного механизма, характерного для взаимодействия, которое присуще окружающим реалиям и индивидуальному мышлению. Вследствие того, что мыслительный акт получатель не способен постичь лишь путем *linguo-* знака, данный акт прослеживается отнюдь не в силу языковых, а, скорее, – в силу мыслительных тенденций. Причем в этом случае необходимо учитывать следующее. Фактически языковой механизм выступает своеобразным последствием как окружающих реалий, так и персонального сознания. Тем самым,

приводимое нами в начале абзаца высказывание достаточно допустимо, если иметь в виду не просто языковую оформленность, а именно содержательные аспекты сознания. В противовес существующей концепции относительности в языкознании, соответственно которой языковой знак выступает в роли ресурса в ходе мыслительной трактовки и толкования, имеет место быть несомненная словесная оформленность человеческой мысли, что обусловлено спаянностью образа мыслей с языком. И поэтому помогающий турецкому издателю освещением в вышеупомянутом журнале дум и чаяний адыгов Кадыр Натхо весьма польщен и удивлен. Он готов сосредоточить на себе внимание благодарного читателя, коим выступает обитающее за рубежом подрастающее поколение адыгов. Более того, это он считает собственным моральным долгом. Писателю удается весьма продуктивно (см. несколько десятков его новелл) адресовать многое от души своим соотечественникам в Турции, а также порадовать их на Родине, то есть, как объясняет он сам, – «передать им достаточную информацию о таком красочно гордом наследии для того, чтобы разбудить их национальное сознание и долг» [2, с. 372].

Соответственно сегодняшней теоретической интерпретации взаимодействий сознания с языком, их энергетическое распределение в этом случае такое. Несмотря на то, что непосредственные языковые механизмы способны оказаться активизированными на сознательном пространстве, однако все-таки некоторые акты, как проявления языка, порой обусловлены сакральным неимением мысли, что определяется уже на источниковом уровне. Считающий себя обязанным возмещать мыслительные трудности для соотечественников Кадыр Натхо стремится продуктивно исполнить собственный долг: «Я был так поглощен этой ответственностью, что начал пренебрегать моей связью с группой прогрессивных экономистов. Я просто должен был найти лучшее средство общения с нашей молодежью в диаспоре» [2, с. 372].

Применительно к содержащимся в этнокультурах религиям, в сфере взаимодействия языка и сознания, адыги также чаще культивировали в применении слово, обретающее форму (нередко, – мифическую). Специфика мировидения черкесов при этом, нередко напоминающая миф в его признаках, образуется, как подчеркивала в своих исследованиях профессор Лейла Бекизова, «от Древа мироздания, Древа жизни, которое в их представлениях имеет верх (крону), что ассоциируется с небом, середину (ствол – жизнь народа) и низ (корень – преисподняя)» [4, с. 48]. Таковыми, пришедшими из древности, проявлениями мифо-обрядовой адыгской лирики могли быть ритуалы, клятвы, магические формулы, обеты, проклятия. В частности, именно эти синкретические формы демонстрируют то, каким образом в них располагаются основы художественного постижения реальных.

Языковая конфигурация, форматирующая языковую выраженность и подпитывающая коммуникацию того или иного этноса, способна презентовать определенный объект изображения достаточно продуктивно. Струей, демонстрирующей языковой уровень адыгов в ходе постижения действительности, является их собственное мифотворчество. Будучи весьма архаичным, оно способно развернуть ассоциативную линию как к этически, так и к эстетически обратным сведениям. В свое время миф на генетическом уровне условно предвещал прочие жанры эпоса. Ему уже тогда были присущи стилевые и лирические компоненты языка (то есть конкретной художественной конфигурации): они обладали весьма ощутимой миссией даже в бытии человеческого предка.

У владеющих выразительным слогом адыгов центральная образная фигура, а также ее сущность твердо спаяны в языковой единице. Причем образная фигура в устных адыгских словесах при этом чаще проявляет свою сущность посредством метафор, символиче-

ских оборотов. Подобная языково-мыслительная конструкция способна произвести определенное влияние на читательскую мысль, однако лишь настолько, насколько эмоция способна отразиться и на душе, и на логике получателя. При этом частые в устно-эпических текстах средства выразительности убедительно способствуют чувственно-мыслительной активизации рассказчика, ассоциируемой с образом Родины, прикрывающей народ. Либо, к примеру, в упоминавшихся нами выше современных «Мемуарах...» начала текущего века, составленных И. Оболенским, дочь одного из советских актеров, зрелая и самостоятельная персона современности Елена Ульянова независимо провозглашает неременное присутствие патриотической нотки во всяком советском художественном продукте. Базируясь в своих рассуждениях на неимении в указанную эпоху какой бы то ни было моральной альтернативы обязательным тогда идеологическим канонам, Е. Ульянова делает весьма обобщающий вывод. По ее мнению (разделяемому тогда большинством населения страны), Родина это мать: никак нельзя ни в какой степени разрешать себе и окружающим порицать, осуждать либо обижать ее, следует лишь понимать ее, радуясь и привыкая к принесенной судьбой данности. Следовательно, налицо в данном случае ассоциативность явлений – Родина и мать.

Аналогичная склонность к гармоничной ассоциативности образов Родины с матерью прослеживается и в литературах художественных. Так, к примеру, в литературе адыгской она налицо уже на ранних стадиях – в базирующем ее тысячелетнем эпосе «Нарты». Продолжается она и с появлением письменности, и с прогрессированием ее в печатной форме у кавказских народов. Например, заметна подобная склонность и у адыгского писателя нашего времени Налъбия Куека. Как твердо заявляет ведущий изложение здесь рассказчик, нартский Бог Тлепш отнюдь не один раз заново появляется на свет в собственном сыне, пришедшем в мир благодаря мирской жительнице Адиух. Таким образом вновь продлится нартская линия, вновь новоприбывшие, рожденные Родиной и ее богом герои, примутся приходить сюда, сражаться, оставлять мир. Воодушевленный именно такими образами Кадыр Натхо в своем тексте научился завоевывать всеобщее доверие земляков. Выстроился целый ряд адыгских словотворцев на Родине, каковые принялись вступать в переписку с ним. Как признавались читатели у Кадыра Натхо, «они получили удовольствие, читая мои рассказы, которые, как они утверждали, напомнили им о чудесной черкесской истории и легендах, которые они привыкли слышать от своих бабушек и дедушек» [2, с. 373]. И потому вполне адекватна авторская реакция того, кому достались подобные благодарные признания: «Естественно, я был безмерно рад это слышать и начал писать истории для них с надеждой, что смог пробудить в сердцах этих молодых черкесских читателей некоторую любовь и гордость их предками адыгами, Адыгагъэ, Адыгэ Хабзэ, Адыгэ Тлигэ, сохранение родного языка и изысканной уникальной культуры» [2, с. 373]. Именно подобный настрой демонстрирует присущую рассматриваемому писателю ответственность перед соотечественниками за собственную долю в успешно творимом им слоге.

Итак, как было выявлено нами в статье, язык в функции живого посредника у находящегося вне Родины этнического представителя весьма активен. Следует при этом учитывать и базисы словесного творчества адыга на Родине: это мифотворчество его предков, дающее свои обильные ростки последующему адыгскому слогу. Суждения, придающие слову мощь, признающие его ритуально-обрядовую и даже магическую силу, являют собой некую материю, собранный ресурс на поле архаических словесных фигур. Благодаря этому певшие в свое время гимны адыгским божествам сказители одними из первых презентовали принятый всем эпосом героический образ с его лексикой и настроением. Соци-

альная миссия языка многократно и многосторонне выстраивает весьма специфическое «пейзажное поле», располагающееся между реальностью и индивидом. Именно поэтому весьма определен в своем стремлении рассматриваемый нами в работе Кадыр Натхо: «Хотя я уже закончил американскую журналистику к этому времени, я все еще изучал английскую литературу, посещал лекции и писательские курсы для взрослых в различных университетах Нью-Йорка для того, чтобы улучшить свои писательские способности и осуществить лучше обязанность познакомить нашу молодежь с более важными частями нашей истории, культуры и традиций. Вскоре мои усилия начали приносить плоды» [2, с. 373]. В данном случае сумевшая подарить жизнь говорящему Родина закономерно представляется, навечно понимается образом, отнюдь не телесным, однако совсем не менее серьезным для всякого носителя ее языка. Язык в этой проблематике выступает буквально силой: он подстраивает под обстоятельства то или иное сознание, нацеленное на оставленную за морем почву, нуждающуюся в пусть и косвенном, но возмещении реального бытия.

Список использованных источников

1. *Берсиров Б. М.* Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку // Журнал. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. Выпуск № 2 / 2010. С. 71–76.
2. *Natho K.* Memoirs. Xlibris, 2010. 731 p. (перевод наш. – Ф.Х.)
3. Четыре друга эпохи. Мемуары на фоне столетия [Текст] / Сост. И. В. Оболенский. М.: АСТ, 2013.
4. *Бекизова Л. А.* Проблемы изучения мифологии и эпоса адыгов и научная деятельность Михаила Исмаиловича Мижаева // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка: Мат-лы Международной научно-практической конференции памяти М. И. Мижаева / Сост. М. М. Паштова. Майкоп: ИП Паштов З. В., 2015. С. 48–53.

Поступила 09.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.

Об авторе:

Хуако Фатимет Нальбиевна, ведущий научный сотрудник кафедры маркетинга, сервиса и туризма факультета экономики и сервиса Майкопского государственного технологического университета, доктор филологических наук, профессор, действительный член АМАН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7398-1004>, ResearcherID: <https://publons.com/researcher/1762991/fatimet-khuako-huako/>, <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57205188981>, fatimah2@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. *B. M. Bersirov* Formirovanie lingvisticheckoj kul'tury u studentov v processe obucheniyaazyku [Formation of linguistic culture among students in the process of teaching the language]. The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Pedagogy and Psychology». 2010. Vyp. 2. P. 71–76.
2. *K. Natho* Memoirs. Xlibris, 2010. 731 p.
3. Chetyre druga epohi. Memuary na fone stoletiya [Text] [Four friends of the era. Memoirs against the background of the century [Text]] / Sost. I. V. Obolenskij. M.: AST, 2013.

4. *L. A. Bekizova* Problemy izucheniya mifologii i eposa adygov i nauchnaya deyatel'nost' Mihaila Ismailovicha Mizhaeva [Problems of studying the mythology and epic of the Circassians and the scientific activity of Mikhail Ismailovich Mizhaev]. Problemy sohraneniya cherkesskogo fol'klora, kul'tury i yazyka: Mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pamyati M. I. Mizhaeva / Sost. M. M. Pashtova. Majkop: IP Pashtov Z. V., 2015. P. 48–53.

Submitted 09.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 25.12.2022.

About the author:

Fatimet Nalbievna Khuako, Leading Researcher of the Department of Marketing, Service and Tourism of the Faculty of Economics and Service of the Maykop State Technological University, Doctor of Philology, Professor, Full member of AIAS, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7398-1004>, ResearcherID: <https://publons.com/researcher/1762991/fatimet-khuako-huako/>, <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57205188981>, fatimah2@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.